

Гвидо приписывают известные стишки *Musicorum et cantorum* (они содержатся в его трактате «Правила в стихах»):

*Musicorum et cantorum magna
est distantia. Illi dicunt, isti sciunt,
quae componit musica. Et qui facit, quod non sapit, diffinitur bestia.*

В переводе В. Рождественского это звучит так:

Музыкант и исполнитель —
две различные заботы. Первый музыку изведаль,
а второй выводит ноты. Он поет не понимая,
и зовешь ослом его ты.

И хотя Гвидо в конце Послания утверждал, что «книга Боэция полезна только философам, а не певцам», однако именно в этом стишке он развивает типично боэцианскую мысль о превосходстве ученого музыкального теоретика над певцом.

Одной из важнейших и бесспорных заслуг Гвидо считается его разработка системы точной высотной нотации музыки. Целая плеяда средневековых теоретиков, начиная от Хукбальда и кончая вышеупомянутым Одо Аретинским, билась над проблемой устранения неясностей и трудностей невменной нотации. И именно Гвидо выпала честь достойно завершить и увенчать искания и усилия предшественников.

Реформа Гвидо коснулась буквенной и линейной нотации. Гвидо гениально объединил эти две линии, развивавшиеся достаточно автономно у его предшественников, сохранив при этом и невмы (знаки средневековой

записи музыки). Как раз поэтому его нотная реформа оказалась столь жизнеспособной. Свою систему Гвидо изложил в трактате под названием